

щаясь съ прогулокъ въ заводъ по доброй волѣ, принужденный лишь наступающими крѣпкими осенними холодами, противъ которыхъ не могли устоять его оборванная и измыганная одежда—отшельникъ все-таки по положенію получалъ наказаніе розгами. Наказаніе это онъ не вмѣнялъ ни во что и для болѣзни своей не считалъ его ни за хирургическое, ни за терапевтическое средство. Затѣмъ онъ всю осень и зиму весело жилъ на работахъ, работалъ за двоихъ послушливо и безпрекословно, такъ что всѣхъ приводилъ въ удивленіе, но трудился такимъ образомъ только до весны, до кукушки. А лишь только снова начинала она свою завѣтную, немудреную пѣсню, арестантъ начиналъ испытывать прежніе припадки, столько же мучительные и невыносимые. Шесть лѣтъ ходилъ онъ такимъ образомъ въ лѣсъ и приучилъ тюремное начальство смотрѣть на его дѣла сквозь пальцы, снисходительно. На седьмую весну пришелъ отшельникъ къ смотрителю, упалъ ему въ ноги и просить:

— Ваше благородье! Кукушка кукуетъ—уйду, слышать не могу, соблазняеть, уйду. Либо прикажите связать, либо на цѣпь къ стѣнѣ приковать и лису наложить, либо сдѣлайте что хотите. Не втерпѣжъ мнѣ это дѣло стало, я что нибудь самъ надъ собой сдѣлаю.

Сердобольный смотритель послушался, посадилъ его на цѣпь, предварительно, уже для личнаго удовольствія, задавъ ему впередъ все то количество розогъ, которое ежегодно слѣдовало ему осенью, по возвращеніи изъ отшельничества послѣ созерцательной жизни.

Просидѣлъ арестантъ время припадковъ на цѣпи; осень и зиму прожилъ на свободѣ и не бѣгалъ, а также вмѣстѣ со всѣми работалъ. На слѣдующую весну онъ опять пришелъ къ смотрителю съ тою же мольбою, а на третій годъ ужъ не являлся къ нему и въ лѣсъ не бѣгалъ.

Но вотъ примѣръ особаго вида.

Въ 1808 году въ Удинскій округъ присланъ былъ на поселеніе, за бродяжничество, изъ Екатеринбургѣ старообрядецъ Гурій Васильевъ. Весною 1815 года онъ, съ двумя товарищами старообрядцами, бѣжалъ на Амуръ съ намѣреніемъ основать скитъ, и для этого поселился близъ Албазина въ пещерѣ около устья р. Уреы. Зиму съ 1815 на 1816 годъ они провели здѣсь, но весною ихъ схватили манчжуры и привели къ начальству въ Айгунъ. Здѣсь манчжуры предлагали имъ обрить бороду и принять подданство, какъ-де сдѣлали это многіе изъ бѣглыхъ русскихъ, проживающихъ въ Китаѣ *). Старовѣры не согласились. Манчжуры,

во исполненіе трактата, черезъ Цицикаръ и Хайларъ представили ихъ на нашу границу въ Цурутухайтѣ. Отсюда пригнали ихъ на старое мѣсто жительства въ Удинскій округъ. Гурій Васильевъ не выдержалъ и, по привычкѣ къ уединенной жизни, въ 1818 году бѣжалъ снова на Амуръ и, пойманный лѣтомъ слѣдующаго года, тѣми же путями и средствами, выданъ былъ тамъ же. Его на этотъ разъ наказали плетью и назначили на каторжныя работы въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ. Въ 1822 году Гурій Васильевъ снова получилъ возможность бѣжать и пробрался опять на Амуръ и снова въ ту же пещеру на р. Урѣ. Здѣсь, питаясь кореньями, дичью и рыбою, жилъ до слѣдующей весны (1823 г.), но, боясь старой исторіи, на маленькой лодкѣ изъ берегъ рѣшился спуститься внизъ по Амуру. Не проплылъ онъ и ста верстъ по теченію, какъ снова былъ схваченъ манчжурами и увезенъ въ Айгунъ. На этотъ разъ манчжурскія власти въ Россію его не отправили, но, отдавъ подъ присмотръ, отпустили жить въ городѣ на волгѣ, вмѣнявъ ему въ обязанность обученіе манчжурскихъ мальчиковъ русскому языку. За это кормили его и одѣвали и, вообще, содержали въ довольствѣ. Въ 1826 году онъ, по распоряженію айгунскихъ властей, отправленъ былъ, вмѣстѣ съ другими, внизъ по теченію Амура на рыбную ловлю. Жестокое обращеніе съ нимъ приставниковъ заставило его бѣжать на маленькой лодкѣ (вѣткѣ) внизъ по Амуру. „Пройдя слияніе рѣки Сунгари съ Амуромъ (показывалъ Гурій), я былъ внѣ всякой опасности, ибо народъ янты (гольды), обитающій по Амуру, уже не зависитъ отъ манчжуръ и китайцевъ. Продолжая путь свой далѣе по Амуру, съ помощью туземцевъ, къ осени достигъ земли гиляковъ, гдѣ остановился на зимовку“. Отъ гиляковъ Гурій узналъ, что къ сѣверу отъ Амура живутъ тунгусы, а потому, весною 1827 года, вышелъ онъ изъ рѣки, на гиляцкой лодкѣ, въ Охотское море. Слѣдую вдоль берега и не доходя 30 верстъ до устья рѣки

ему лежалъ уже по настоящимъ строгимъ пустынямъ. Путь на Амуръ въ бродяжьемъ практикѣ издавна былъ дѣломъ обычнымъ, и Гурій Васильевъ съ товарищами—но первый и не послѣдній странникъ на востокъ, совсѣмъ въ противоположную сторону отъ обычной российской дороги бродягъ. Якобію, собиравшему свѣденія объ Амурѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бѣглецы могли дать самыя точныя свѣденія: «Плыли на Амуръ отъ Горбицы 15 лѣтнихъ ночей, а днемъ лежали въ закрытыхъ мѣстахъ. Пойманы китайцами въ виду отъ устья, по поимкѣ ведены были многими селоніями до городовъ Цицигара и Мергена, лежащихъ въ сторону отъ Амура; а отъ онаго поворотися къ востоку между полуденнымъ кочевьемъ мунгалъ до Калара ровными и гладкими мѣстами; изъ Калара же выданы на Цурутухайтѣ. Въ дорогѣ были 10 дней, по ночамъ стояли», и проч.

*) Бродяжьи пути не имѣютъ конца. Дороги ихъ не пересѣкаютъ никакія припятствія: кяхтанскій мѣщанинъ Карпъ Патюковъ, наказанный кнутомъ и сосланный, пришелъ на родину изъ Охотскаго порта, не смотря на то, что путь

Тугура, остановился у тунгусовъ на зимовку и вмѣстѣ съ ними, къ веснѣ 1828 года, прибылъ въ Удской острогъ. На этихъ показаніяхъ Гурія Васильева генераль-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій, какъ извѣстно, основалъ свои виды на приобрѣтеніе рѣки Амура еще въ 1822 году, т. е. за 20 лѣтъ до гр. Муравьева. На проектъ и представленіе его разрѣшенія изъ Петербурга не послѣдовало. Министръ финансовъ, въ 1833 году, отвѣчалъ: „Мнѣ кажется, что всякое предпріятіе плавать по р. Амуру бесполезно и въ отношеніи подозрительности китайцевъ опасно, поелику мы не имѣемъ ни силы, ни намѣренія обладать тѣмъ краемъ, а безъ обладанія имъ нельзя думать о судоходствѣ и о торговлѣ, а потому безъ этого и не слѣдуетъ что либо затѣвать“. Вообще, показанія бѣглыхъ, побывавшихъ за китайскою границею, во многомъ послужили къ объясненію Амура и другихъ странъ, сосѣднихъ Забайкалью. Такъ, въ 1805 г. д'Овре изъ посольства Головинна пользовался на Кличкинскомъ рудникѣ свѣденіями отъ бродягъ Дунаевского и Прусакова, бывшихъ за границею.

Таковы мирные пути и короткія дороги бродягъ. Такова краткая сторона ихъ замысловъ, направленныхъ къ освобожденію себя отъ работъ ради отдыха и въ виду мало выясненныхъ цѣлей *). Но не такова другая, къ которой мы, въ свою очередь, должны подойти, памятуя, что въ бродягахъ для насъ ясно видится особый видъ, первая и главная категорія бывалыхъ: тѣхъ, которыхъ прозвать сибирскій народъ варнаками и чалдонами. За такими бродягами существуютъ поиски, имѣлись когда-то особыя команды. Противъ нихъ сильно озлобленъ народъ, живущій на Харинской степи и около, извѣстный у сибиряковъ подъ именемъ братскихъ, а вообще—подъ названіемъ бурятъ. Народъ этотъ еще не перешелъ отъ степной жизни къ мирнымъ осѣдлымъ занятіямъ, еще не выработалъ въ себѣ кроткихъ нравовъ земледельцевъ.

Во имя этихъ и другихъ причинъ подробности побѣговъ съ каторги принимаютъ иной характеръ, въ которомъ нѣтъ уже свѣтлыхъ сторонъ, а краски и картины становятся рѣзче и ярче. Роли измѣняются: съ одной стороны видимъ ожесточенныхъ преслѣдователей, съ другой—кровавыхъ мстителей за обиду и преслѣдованія. Бурять становится олицетворенною

*) Нѣкоторымъ охотникамъ пошататься на волѣ безъ дальнихъ цѣлей удавалось сходить въ бѣга (судя по официальнымъ бумагамъ) разъ по восьми. Другимъ случилось одиннадцатю разами, а за нѣкоторыми, но въ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ, заводское начальство считало (самое, впрочемъ, большое) восемнадцать прогулокъ. Служителя больше шести разъ не бѣгали и дольше двухъ мѣсяцевъ въ бѣгахъ не отдыхали.

карою, какъ бы орудіемъ невѣдомаго ему карающаго закона. Бродяга становится варнакомъ, чалдономъ.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ буряты перешли изъ монгольскихъ степей на русскую сторону и перемѣнили имъ только названіе (изъ бурятъ въ братскихъ), но, въ сущности, они сами остались тѣми же, какими были. Дикая жизнь въ степи стѣмѣла задержать въ нихъ въ первобытномъ нетронутомъ видѣ все то, чѣмъ пахла на ихъ отцовъ дичь Гоби или Шамо. Харинская и другія степи не выгнали этого вонъ, а еще, можетъ быть, подбавили имъ звѣринаго духа. Во всякомъ случаѣ, это вѣрно по отношенію къ предмету, насъ занимающему: бродяги шатаемъ, воровствомъ и грабежами своими бурятъ раздражаютъ; къ тому же побѣги бродягъ обязали бурятъ новымъ родомъ службы, требующей труда и отвѣта.

Съ мѣстою своей родины буряты принесли, между многими характерными племенными чертами, два зоркихъ маленькихъ глаза, которые, хотя не глубоко помѣстились подъ узенькимъ бритымъ лбомъ и спрятались въ одулово-толстыхъ и скуластыхъ щекахъ, но видятъ такъ далеко и хорошо, что ни одинъ зарядъ изъ винтовки не бьетъ мимо и не пропадаетъ даромъ. На винтовкѣ теперь, какъ на лукахъ нѣкогда (и не такъ еще давно), у бурятъ все мастерство и досужество; на выстрѣлахъ изъ нее вся надежда насущнаго пропитанія. Степнякъ голъ да и привыкъ брать добычу тамъ, гдѣ она подвертывается, не разбирая средствъ и не загадывая о послѣдствіяхъ. Для замысловатыхъ измышлений и мудреныхъ отвлеченій въ кочевьяхъ плохая наука, да и степь—не городское поприще. Чтобы жить, надо ѣсть, чтобы кормить себя и своихъ, надо промышлять, и если нѣтъ ничего въ запасъ, какъ и бываетъ у бурятъ нѣкоторыхъ родовъ, кромѣ зоркаго глаза, то винтовка и пуля—самые лучшіе и важные друзья и пособники. Чтобы ѣсть и кормить, надо бить козулю и птицу. Чтобы одѣться въ пестрый халатъ и прикрыть бритую голову китайскою шапкою съ красной кистью, надо стрѣлять соболемъ, бѣлокъ и лисицъ, а если доведется случай, глазъ на глазъ, въ глухомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей русскихъ, встрѣтить бѣглаго, то можно и его подстрѣлить. „Худенькій бѣглый лучше доброй козы“—давно уже говорилъ братскій человекъ. Эта поговорка его отшибаетъ въ переводѣ такимъ дико практическимъ смысломъ: „съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣглаго двѣ или три“ (т. е. полупшубокъ, азамъ и рубаху).

Все это въ Сибири, въ Забайкальѣ, давно извѣстно, а самимъ бродягамъ еще и съ подробностями. Густыя бурятскія кочевья бродяги стараются обходить, а за Байкаломъ потому и спѣшатъ запасться провизією, что общая вар-